

Игорь Шестков "Двойник"

Ужас эмиграции состоит в том, что она, в сущности, невозможна. Можно, конечно, покинуть родину. Даже постараться забыть ее. Но невозможно отделаться от своего двойника, который останется и будет бродить, как душа не похороненного человека, вокруг насиженных в прошлой жизни мест. Часть твоей личности наперекор законам природы продолжит твое существование в отщепившемся от тебя двойнике. Расщепится не только твоя судьба, но и вся вселенная. Та, другая ее часть, будет и дальше существовать так, как будто ты не уехал. В ней осуществляются все твои страхи. И через сны перелетят к тебе.

Эмиграция – это клонирование личности и расщепление вселенной, а не побег. Желая попасть в рай, ты посылаешь своего двойника в ад.

Это началось месяцев за семь до моего отъезда. Мой любимый город стал мне чужим – Москва как будто выталкивала меня.

Как известно, все смотрит. Смотрят дома, автомобили, улицы. Смотрит Луна, небо, стол. В конце перестройки я вдруг почувствовал, что Москва тяжело, с ненавистью смотрит на меня сквозь свою многоэтажную клетку. Любимые с детства улицы перестали меня радовать и поддерживать. Дома наклонялись, они были готовы раздавить меня своей тяжестью. Поверьте, я вовсе не проектирую свое настроение на физиономию города. Я-то был весел и полон энергии, легкомыслен и легок.

Возможно, перестройка разрушила созданное поколениями защитное поле и грандиозная декорация «Москва» стала обретать наконец свое истинное обличье. Величественный фантом третьего Рима, мираж, выстроенный Сталиным и его последователями, рассыпался в прах. На нас глянули свинцовые глаза правды. Ведь это не СССР разрушался, а мы – его дети, его тело.

Я уезжал с Белорусского вокзала в сентябре 1990-о года. Меня никто не провожал. Все были тогда заняты собственными заботами. Я был один на вокзале, один в купе. Было грустно. Вдруг я заметил на перроне знакомого мне человека. Он стоял и печально смотрел на меня. Поезд тронулся. Он помахал мне рукой. А я – ему. Так и уехал я с мыслью, что меня кто-то проводил. И даже

позже это забыл. И только приехав в Дрезден, успокоившись и отдохнув, я вдруг понял, кто стоял на перроне.